

я. г. СОЛОДКИН

О времени создания «Казанской истории»

Один из крупнейших памятников русской книжности второй половины XVI в. «Казанская история» (далее — КИ) на редкость единодушно датируется исследователями. Если не считать Э. Кинана, весьма произвольно относившего «красную повесть» о «срацынском царстве» и его падении к началу XVII столетия,¹ КИ приурочивают к середине 1560-х гг. — кануну или первым месяцам опричнины. Насколько основательно такое заключение?

С точки зрения Г. З. Кунцевича, посвятившего КИ обширное исследование, она написана не ранее смерти князя С. И. Микулинского (1562 г.) и до кончин митрополита Макария (конец 1564 г.), служивших царевичей Александра Сафакиреевича (1566 г.) и Шигалея (Шах-Али) в апреле 1567 г.² Заметим, что Шигалей и Макарий, которые изображены в КИ живыми, умерли не тогда, а годом прежде, смерть же Микулинского, о которой с горечью сообщает публицист, приходится на 1559/1560 г.³ Но даже если следовать датировкам Г. З. Кунцевича, непонятно, отчего появление КИ надо относить к 1564—1565 гг. В изучаемом произведении, кстати, живыми представлены царица Анастасия (умерла 7 августа 1560 г.), ее брат Д. Р. Юрьев (скончался 27 октября 1564 г.), брат Ивана IV Юрий Васильевич (его не стало 24 ноября 1563 г.), не говорится о смерти первого казанского архиепископа Гурия (она последовала в конце 1563 г.), епископом коломенским назван Феодосий, носивший этот сан до 1555 г.⁴ В КИ не сказано и про возведение на Красной площади столицы собора в ознаменование «казанского взятия» (он сооружался в 1555—1561 гг.).

Г. Н. Моисеева, поддержавшая вывод Г. З. Кунцевича о времени создания КИ, привела в его пользу новые доводы: умолчание об участии в последнем наступлении на Казань князя М. И. Воротынского (в 1562—1566 гг. он был в ссылке на Белоозере), использование автором Первого послания Грозного (далее — ППГ) Курбскому, помеченного 5 июля

¹ См.: Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 128. По поводу работы американского историка о КИ Д. С. Лихачев замечал, что ее «спасало только отсутствие категоричности в выводах» (Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 346).

² Поясним, что в статье идет речь только о первой редакции памятника. Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 176—179.

³ См.: Зимин А. А. 1) Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 63, примеч. 242, с. 69; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 353, примеч. 4.

⁴ Возможно, Феодосий был низложен после церковного собора начала 1555 г. (Корещкий В. И. Новые послания Зиновия Отенского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 121).

1564 г., соответствие разряда казанского похода, завершившегося падением ханской столицы, росписи воеводских назначений периода Ливонской войны (за 1562—1566 гг.); в результате такой замены подлинного разряда казанской кампании 1552 г записями о «расстановке воинских должностей» в последующие годы (однажды Г. Н. Моисеева находит эти записи вымышленными) главная заслуга в покорении «бусурманского юрта» наряду с молодым Иваном IV была приписана татарским царевичам и опричникам, в действительности не участвовавшим в осаде и штурме Казани.⁵ Последний тезис, воспринятый многими филологами и историками,⁶ затруднительно признать обоснованным. В разряде казанского похода 1552 г. названы 31 русский воевода и 5 татарских царевичей.⁷ Кроме того, в число участников «взятия» Казани автор включает М. В. Глинского, П. И. Шуйского, Д. Р. Юрьева, Б. И. Салтыкова, Н. С. Глебова (с. 508, 532, 542, 544). Перед разрядом читаем о выступлении против «срацынского» ханства «варвар» Шигалея и двух астраханских царевичей со своими войсками. В дальнейшем говорится о походе к Казани «царевичев с татары» и осаде ими города (они составили во время «облежания» крепости два полка — передовой и правой руки). По свидетельству автора, отряды астраханских царевичей начали штурм Казани (с. 462, 464, 468, 516).⁸ Роль татарской служилой знати в ее «взятии», стало быть, отмечена не только разрядными записями. Перечисленные в них иноземные царевичи, по утверждению Г. Н. Моисеевой, прибыли в Россию в конце 50—60-х гг. XVI в., т. е. не могли участвовать в последнем наступлении на Казань (зато сражались в Ливонии). Однако сама исследовательница пишет о том, что Кайбула выехал на службу в Московское государство в мае 1552 г., а Дербыш-Али с того же года стал владеть Звенигородом.⁹ Следовательно, нельзя исключать их участия в кампании, увенчавшейся завоеванием Казани. Среди «начальных воевод» передового полка в разряде упомянуты крымский царевич Тохтамыш и шибанский царевич Кудайт. Последний в сохранившихся источниках не значится, но это едва ли вымышленный персонаж.¹⁰ Шибанскими царе-

⁵ Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ М., Л., 1953 Т. 9 С. 272—273, Казанская история / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой М., Л., 1954 С. 9—10, 21, 187—188, История русской литературы М., Л., 1958 Т. 1 С. 249. Некоторые исследователи, излагая наблюдения Г. Н. Моисеевой, пишут о вымышленном разряде казанского похода 1552 г. (Автократов В. Н. Рец. Казанская история // ИА 1955 № 6 С. 219, 221, Волкова Т. Ф. Казанская история // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1 С. 452, Богданов А. П. Работа А. И. Лызлова над русскими и иностранными источниками // Лызлов Андрей Скифская история М., 1990 С. 420, Филюшкин А. И. Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI века и проблемы изучения «Избранной рады» Дисс. канд. ист. наук Воронеж, 1995 С. 243).

⁶ См. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе Л., 1970 С. 432, История русской литературы Л., 1980 Т. 1 С. 260—261, ПЛДР. Середина XVI века М., 1985 С. 619—620, Филюшкин А. И. Состав правящих кругов С. 243.

⁷ ПЛДР. Середина XVI века С. 462—464 (далее ссылки на КИ по этому изданию приводятся в тексте статьи с указанием страниц).

⁸ Всего, согласно КИ, в походе 1552 г. участвовало более 90 великих воевод. Их выдвижение на первый план в описании штурма Казани Г. Н. Моисеева вовсе не считала порождением социально-политической обстановки середины 1560-х гг., как утверждает Т. Ф. Волкова. См. Волкова Т. Ф. Особенности сюжета Повести о казанском походе в «Истории» А. М. Курбского (К вопросу о беллетризации историко-публицистического повествования в XVI в.) // ТОДРЛ Л., 1985 Т. 40 С. 257, примеч. 17.

⁹ Моисеева Г. Н. Автор С. 272, примеч. 4, Казанская история С. 187. В Россию Дербыш-Али выехал в октябре 1551 г. (СГГД М., 1819 Ч. 2 С. 47—50).

¹⁰ А. И. Филюшкин замечает, что в КИ попадают вымышленные имена, но примеров не приводит. См. Филюшкин А. И. Состав правящих кругов С. 246.

вичами в России именовали сибирских ханов, например Кучума.¹¹ Так могли называть и представителей династии Шейбанидов, правившей в Средней Азии.¹² Тохтамыш же выехал на русскую службу в декабре 1556 г.¹³ Очевидно, сообщение о его участии в решающем наступлении на «срацинскую» столицу — одна из многочисленных фактических ошибок КИ, «баснословие» которой подчеркивал еще П. И. Рычков.¹⁴ Напомним, что служилые татарские царевичи появились на Руси в середине XV в.; несколько их являлись вассалами отца Грозного.¹⁵ Итак, не следует думать, будто Иван IV стал окружать себя татарами лишь после взятия Казани, особенно с 60-х гг. Кстати, об их участии в кампании 1552 г. сказано и в Лицевом своде.¹⁶

На взгляд Г. Н. Моисеевой, судя по разряду победоносного казанского похода, автор КИ помимо иноземных царевичей отводил ведущую роль в подчинении «бурсурманского» ханства опричникам, которые в действительности тогда не занимали воеводских должностей (Ю. И. Темкин-Ростовский, Н. Р. Одоевский, Ю. И. Пронский, С. И. Трубецкой).¹⁷ На самом деле опричником среди них был лишь Н. Р. Одоевский, и то с 1570 г.¹⁸ (В КИ он указан последним среди воевод сторожевого полка.) В 1567 г. дворовым воеводой стал и боярин В. И. Темкин,¹⁹ но в КИ о нем не говорится. М. Е. Бычкова, называющая опричником Ю. И. Темкина-Ростовского, вслед за А. А. Зиминым пишет о том, что он выбыл из Думы в 1563 г.,²⁰ т. е. до учреждения опричнины. Ю. И. Шемякин-Пронский, также один из воевод, отличившихся при взятии Казани, умер еще в 1555 г. (автор КИ в перечнях полковых «начальников» называет их предпоследними) Зато опричником являлся князь А. П. Телятевский,²¹ указанный в разряде среди трех воевод «артоулному полку» вслед за Д. И. Микулинским и Д. Ф. Палецким.

В оценке Г. Н. Моисеевой второстепенное место в том же разряде похода 1552 г. на Казань принадлежит А. М. Курбскому, А. Б. Горбатову-Шуйскому, П. М. Щенятеву, Д. И. Немому-Оболенскому, которых царь Иван с начала или даже кануна опричнины считал изменниками. Про их участие в триумфально закончившейся кампании автор якобы не мог умолчать потому, что многие знали об этом по рассказам очевидцев

¹¹ Бахрушин С. В. *Научные труды М*, 1959 Т. 4 С. 198

¹² Ср. Скрынников Р. Г. *Сибирская экспедиция Ермака* 2-е изд. Новосибирск, 1986 С. 91 В некоторых разрядных записях шибанским царевичем представлен Шигалей (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 С. 90, 91, 103)

¹³ *Казанская история* С. 187

¹⁴ См. Сидоренко С. А. П. И. Рычков как историк // *ВИ* 1975 № 7 С. 29 По мысли Р. Г. Скрынникова, И. Д. Бельский и удельный князь Владимир Андреевич неверно причислены в КИ (помещенно там разряде) к главнокомандующим армии, двинутой на «безбожную» Казань, ибо первому в 1552 г. «едва исполнилось 13—14 лет, а Старицкий был всего на 3—4 года старше его» (Скрынников Р. Г. *Начало опричнины* Л., 1966 С. 110, примеч. 3)

¹⁵ См. Зимин А. А. *Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)* М., 1972 С. 75, 98, 155, 200, 282, 369, 370, 382

¹⁶ ПСРЛ М., 1965 Т. 13 С. 199, 202—204, 214, 495, 499, 500, 507, 510

¹⁷ *Казанская история* С. 188 Это мнение повторено рядом исследователей. См. ПЛДР *Середина XVI века* С. 619—620, Филюшкин А. И. *Состав правящих кругов* С. 243 Ср. *Истоки русской беллетристики* С. 432

¹⁸ Кобрин В. Б. *Состав опричного двора Ивана Грозного* // *АЕ* за 1959 год М., 1960 С. 53

¹⁹ Скрынников Р. Г. *Начало опричнины* С. 251, 252, 399

²⁰ Зимин А. А. *Состав Боярской думы* С. 71, Бычкова М. Е. *Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник* М., 1975 С. 168

²¹ Кобрин В. Б. *Состав опричного двора* С. 75—76

и ППГ.²² Но в знаменитой «эпистолии» Иван IV намекал разве что на «хождение» к Казани самого Курбского.²³ Вместе с П. М. Щенятевым тот указан среди «начальных воевод» сторожевого полка сразу после Дербыш-Али. В числе 12 предводителей большого полка А. Б. Горбатый и Д. И. Курлятев названы соответственно четвертым и седьмым. По сообщениям КИ, князь П. М. Щенятев (автор однажды именуется его великим воеводой) в 1552 г. сражался против крымского хана Девлет-Гирея, а затем у стен Казани. Публицист рассказывает и о «посылке» на «черемису» А. Б. Горбатого с А. М. Курбским. А. Б. Горбатый (Суздальский) был оставлен царем в Казани после ее взятия (с. 460, 478, 524, 544).

Как отмечено С. И. Кокориной, М. И. Воротынский фигурирует в КИ в числе «начальников» рати, двинутой к Казани.²⁴ Наряду с ним в разряде указан князь М. П. Репнин. А ведь он был казнен еще в январе 1564 г.²⁵ Ненавистный Грозному боярин Д. И. Курлятев угодил в опалу еще в октябре 1562 г.²⁶ Верным сподвижником царя изображен в КИ его двоюродный брат Владимир Андреевич (с. 444, 448, 456—459, 516, 548, 554). Известно же, что в 1563 г. его постигла опала, а в начале 1566 г. вся территория Старицкого удела была обменена на новые земли.²⁷ Погибший в августе 1565 г. П. М. Щенятев попал в немилость почти годом прежде.²⁸ А. Б. Горбатого-Шуйского казнили в феврале 1565 г. Следуя логике Г. Н. Моисеевой, КИ, таким образом, должна была писаться до 1562 г., а не между 1564 и 1566 гг., скорее всего, в 1564—1565 гг. Вопреки мнению исследовательницы, ППГ создатель КИ мог использовать и позднее. Однако включать эту царскую «эпистолию» в число источников повести²⁹ кажется опрометчивым. Г. Н. Моисеева полагает, что только в ППГ и КИ совпадает опи-

²² Казанская история. С. 188. В действительности здесь назван Д. И. Курлятев-Оболенский, а не его однокоренный Д. И. Немой. Н. В. Водовозов также считал, что в разрядных записях за 1552 г. в КИ названы лишь те из запятнавших себя впоследствии изменой воевод, которые упомянуты как участники казанского «взятия» в ППГ (Сказание о царстве Казанском. М., 1959. С. 519, примеч. 77). По наблюдению Б. М. Клосса, в летописном своде середины 1560-х гг. были выпущены указания на казенного к тому времени Д. Ф. Адашева и бежавшего в Литву А. М. Курбского. Вместе с тем в Лицевом своде сохранены описания подвигов М. И. Воротынского, А. М. Курбского, А. Б. Горбатого, И. И. Пронского (погибшего от рук опричников в 1569 г.) при взятии Казани, почему восхваления этих лиц не могут служить хронологическими реалиями; таковыми являются острые выпады с целью дискредитации того или иного человека (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 202—203, 253—254).

²³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 32, 37, 80, 85—86. Некоторые исследователи потому-то утверждают, будто в описании казанского «взятия» автор «красной повести» не упомянул А. М. Курбского, А. Б. Горбатого, П. М. Щенятева и Д. И. Курлятева (ПЛДР: Середина XVI века. С. 619; Чистякова Е. В. Андрей Иванович Лызлов и его книга «Скифская история» // Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. С. 368; Филюшкин А. И. 1) Состав правящих кругов... С. 243, 246; 2) Русская общественно-политическая мысль XVI—XVII вв. о реформах 1550-х гг. // Общественная жизнь в Центральной России в XVI—начале XX вв. Воронеж, 1995. С. 8, 9).

²⁴ Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 584. Противоположный взгляд, высказанный Г. Н. Моисеевой, повторили А. А. Зимин, Н. В. Водовозов, Т. Ф. Волкова, И. А. Евсеева, Е. В. Чистякова, А. И. Филюшкин.

²⁵ Зимин А. А. Опричнина... С. 108.

²⁶ Там же. С. 99. Р. Г. Скрынников датирует насильственное пострижение Д. И. Курлятева в монахи и его заточение 1562—1563 гг. (Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. С. 170—171; 2) Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 180).

²⁷ Зимин А. А. Опричнина... С. 105, 106, 157.

²⁸ Ср.: Там же. С. 155—156, 283, примеч. 2.

²⁹ Вслед за Г. Н. Моисеевой так поступает Т. Ф. Волкова. См.: Волкова Т. Ф. 1) «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 105; 2) Казанская история. С. 454. Ср.: Сказание о царстве Казанском. С. 8, 519, примеч. 17.

сание детства царя (точнее, в повести «налицо обобщение воспоминаний Грозного о его детских годах») и осуждаются временщики периода малолетства Ивана IV.³⁰ По словам державного публициста, он с братом Георгием, оставшись круглыми сиротами, «ниоткуда же промышленности человеческого не приемлюще», «пострадали во одеянии и в алчбе»; подвластные великому князю «ринушесь богатству и славе, и... наскочише друг на друга», избив его бояр и воевод, «доброхотов» Василия III, захватили «имение» дядей государя, присвоили казну, грабили города и села, «неправды и нестроения многая устроиша», «имали» мзду с детей боярских, превратили подданных Ивана в рабов, а своих рабов в вельмож.³¹ Согласно КИ, оба сына Василия III росли, предоставленные сами себе, «объятые» самовластием вельможи судили не по справедливости, чинили насилия, отягощали Русскую землю налогами и мздой, а рабы творили подобное своим господам; тогда умножились неправды, обиды, татьба, разбой, убийства, слезы и вопль (с. 358). Рассказ Грозного значительно конкретнее, насыщен примерами боярского своеволия; царь пишет о расприх вельмож, гибели преданных его отцу и ему думных людей и воевод. Зато в КИ сказано про татьбу, разбой, налоги и убийства, слезы и вопли подданных малолетнего государя. Там сообщается, что после воцарения Иван Васильевич «вся мятежники старья изби, владевших» страной до его совершеннолетия, и многие вельможи отреклись от лихоимства и неправды (с. 360). Г. Н. Моисеева думала, что здесь подразумеваются опричные казни и опалы либо реформы начала деятельности Грозного.³² Очевидно, речь должна идти о расправах с представителями знати, правившими «царством» в период малолетства Ивана IV. (Автор мог иметь в виду казненных в 1543 и 1546 гг. А. И. Шуйского, И. И. Кубенского, В. М., Ф. С., И. М. Воронцовых.) О боярском самовластии этого времени, небрежении, в котором вырос Грозный, читаем также в Повести о московском пожаре 1547 г., Стоглаве, вставке в Хрущовской степенной книге, по-видимому, восходящей к более ранним источникам, царском послании в Москву из Александровой слободы (декабрь 1564 г.).³³ Зависимость от ППГ Г. Н. Моисеева почувствовала в перечислении «списателем» КИ районов, подвергавшихся татарским набегам.³⁴ По утверждению царя, «злая пострадаша от варвар православнии, — от Крыма и от Казани; до полуземли пусто бяше».³⁵ В «истории» же читаем, что «Резанская бо земля и Сиверская крымьским мечем погублена, и Низовская же земля вся, и Галич, и Устючь, и Вятка, и Пермь от казанцев запустела» (с. 362, ср. с. 398). Автор повести сходится с Грозным в том, что Россия подвергалась разорительным вторжениям «перекопских» и казанских татар.³⁶ Но если царь говорит об опустошении ими до половины страны, то в КИ указано, какие именно земли страдали от «частого варварского пленения» (с. 562), и едва ли это свидетельство появилось под влиянием «государева послания» Курбского. Г. Н. Моисеевой представляется, что по

³⁰ Моисеева Г. Н. О некоторых источниках «Казанской истории» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 188—189, 197.

³¹ Переписка... С. 27, 28. Ср.: С. 76—77.

³² Моисеева Г. Н. О некоторых источниках... С. 193; Казанская история. С. 7.

³³ Васенко П. Хрущовский список «Степенной Книги» и известие о земском соборе 1550 года // ЖМНП. 1903. № 4. Отд. 2. С. 395; Зимин А. А. К изучению источников «Степенной книги» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 229; ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

³⁴ Моисеева Г. Н. О некоторых источниках... С. 194.

³⁵ Переписка... С. 37. Ср.: С. 85.

³⁶ Ср.: Ржигя В. Ф. Опыт по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 113; ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 224, 228.

ППГ автор КИ писал о заслугах Ивана IV в разгроме «безбожного и поганого» ханства.³⁷ Но вряд ли можно согласиться с утверждением исследовательницы, будто царь приписывал себе честь овладения Казанью.³⁸ Грозный трижды отмечает, что победа над этим «варварским родом» была одержана «неизреченным Божиим милосердием», а свою роль в покорении «прегордого царства» сводит к удержанию воевод «в самое взятие града» от несвоевременного начала сражения. В КИ же сообщается, что государь призвал военачальников идти в бой после взрыва подкопа. Если верить царю, вельможи ходили на Казань «с понуждением», из-за «нехотения» их воевать в поход не явилось свыше 15 тысяч человек. Согласно КИ, напротив, даже воины из дальних городов и земель «скоро и незамедленно» собрались «по словеси» Ивана Васильевича, служилые люди двинулись к Казани, «яко на царев пир позвани царем». В сопоставляемых источниках говорится об «истоплении» запасов в Волге, но, по свидетельству Грозного, это произошло через три дня после начала осады и побуждало воевод к возвращению на родину, а судя по КИ, случилось позднее, приближенные молодого государя советовали отступить, «видевше неослабление казанцев». Царь обвинял воевод в том, что во время штурма города они «вместо строения на грабление текосте». Автор КИ такой упрек бросает простым ратникам. Иван IV сетовал на то, что из Казани его везли в судне «аки пленника..., зело с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю», где он мог бы попасть «во иноплеменных руки», т. е. указывал на недостаточную охрану при возвращении из победоносного похода.³⁹ В КИ же сказано, что царь «грядеше ис Козани» к Нижнему Новгороду «со всеми рускими силами», ведя бесчисленных пленных. Грозный уверяет, что после падения Казани «множае седми лет» продолжалась «бранная лютость» между здешними «варварами» и его «государством». Создатель КИ уменьшает этот срок до пяти лет (с. 448, 450, 458, 488, 510, 514, 526, 528, 544, 560).⁴⁰ Иван IV напомнил Курбскому, что при вторжении крымских татар в 1552 г. «береговые» воеводы поехали «ясти и пити» в Тулу, после чего двинулись в погоню за уланом Акмагметом, но степняки уже «отидоша здравы», а хан давно бежал. В КИ про это не прочтем, однако сказано, что русские одержали победу и отбили всех пленных, едва не захватили «перекопско-го царя», взяв большой «полон» (с. 460). В отличие от ППГ, окольный И. В. Ляцкий не выставлен там изменником.⁴¹ Г. Н. Моисеева считала, что по этому посланию автор КИ дал характеристику бояр, в частности, обличающая их речь Шигалея повторяет оценки «яростиваго» самодержца. (Служилый хан якобы объявил царских воевод слабыми и «мягко сердыми», «некрепкими» и «несильными», нечестными и нерадивыми «во время рати» (с. 442, ср. с. 448).) В оценке исследовательницы КИ вообще присуща антибоярская направленность.⁴² Однако в «красной» повести, как отмечал А. А. Зимин, о знати говорится не только с пори-

³⁷ История русской литературы. 1958. Т. 1. С. 244.

³⁸ Казанская история. С. 4. Подобного мнения держится и С. О. Шмидт. См.: Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 203.

³⁹ Переписка... С. 393, коммент. 82.

⁴⁰ Антирусское восстание на территории бывшего Казанского ханства длилось до мая 1557 г. (Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 25).

⁴¹ Переписка... С. 27, 32, 37, 42. Ср.: С. 75, 80, 85—86, 93—94, 401, коммент. 109.

⁴² Моисеева Г. Н. Автор... С. 268—271, 276, 285, 286; Казанская история. С. 8, 11—12. Мнение о том, что автор КИ глубоко враждебен боярской аристократии, разделяет ряд

цанием, тут читаем и про верных царю воевод. А. И. Филюшкин находит, что создатель произведения наряду с боярами исполнительными, бескорыстными, преданными видел и ленивых, корыстолюбивых, своевольных, противопоставляя хороших слуг плохим.⁴³ В самом деле, КИ свойственна контрастная оценка аристократии. Автор нередко осуждает московских воевод, вельмож (с. 334, 336, 354—360, 376, 378, 384, 434, 436, 442), но и расточает им похвалы (с. 384, 386, 392, 448, 450, 460, 464, 480). Он с раздражением отзывается о боярском правлении времени малолетства Грозного, но вместе с тем указывает, что Василий III слушал ближних советников, а его наследник «добре» царствовал, окруженный знатью. «...у меня славные воеводы великия, храбры и силны, и в ратных делах зело искусны», «любимые мои думцы» — такие слова вкладывает публицист в уста Ивана Васильевича. По определению автора, в казанском походе 1552 г. участвовали великие благородные вельможи и бояре. Князей М. В. Глинского и А. Воротынского он называет храбрыми и сильными воеводами, а С. И. Микулинского — отважным, всеми любимым превеликим наставником «воем». Перед штурмом Казани князь, воеводы наравне с рядовыми воинами поклялись умереть за веру и государя, но не отступить. В КИ приводится «духовно и учительно» «слово» Макария, призывавшее царя бояр и вельмож «честно иметь» и обогащать; Грозный обещал митрополиту «творити и быти, якоже» тот «поучи его». По возвращении из казанского похода Иван IV пировал с боярами и вельможами. Сочинение завершается «Похвалой царю и великому князю и всем воеводам его и воем», где утверждается, что Грозный постоянно обращался к мудрым советникам, а враги боялись имен его полководцев (с. 384, 390, 432, 446—450, 456—458, 464, 492, 494, 508, 510, 514, 518, 548, 550, 554, 562, 564).⁴⁴

Г. Н. Моисеева сочла, что вымышленный образ предателя Юрия Булгакова намеренно сближен в КИ с фигурой боярина, носившего такие же имя и фамилию (он часто затевал местнические споры). Это суждение, повторенное А. А. Зиминим и А. И. Филюшкиным, представляется искусственным. Князь Ю. Булгаков значится в разряде похода на Казань (с. 462). Изменник же, пославший грамоту хану с обозначением мест подкопов и обещанием перебраться на службу в «срацынский» «великий град» после отхода русских, по словам публициста, — «некто от приставник, воин полка царева, родом из Колужска града», снискавший известность тем, что

исследователей (Сафаргалиев М. Г. Рец.: Казанская история... // ВИ. 1955. № 7. С. 149; Автократов В. Н. Рец.: Казанская история... С. 219; Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв.: Учебное пособие. М., 1960. С. 22; Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане авторского текста... С. 583, 584; Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 175).

⁴³ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественной мысли середины XVI века. М., 1958. С. 424—425; Филюшкин А. И. 1) Состав правящих кругов... С. 245; 2) Русская общественно-политическая мысль... С. 9. Заключение И. З. Сермана, что в КИ бояре всецело подчинены царю, в крайнем случае сетуют на трудности похода (Серман И. З. Херасков и Курбский // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 354), думается, страдает преувеличением. Так же следует оценить взгляд С. О. Шмидта, будто сочинитель «красной» повести отмечал факты медлительности бояр и их сопротивление Ивану IV в Казанской войне (Шмидт С. О. Российское государство... С. 203).

⁴⁴ Роль бояр и воевод в казанском «взятии» признается и в других источниках. См., например: Зимин А. А. И. С. Пересветов... С. 61; Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 10; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 223, 224. Трудно согласиться с мнением А. Л. Хорошкевич, что в КИ подчеркнуто утомление боярства от войн царя Ивана (Хорошкевич А. Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 38).

соседей «насильствоваше и грабляше, и озлобляше, и землю у них отводяше, и ко своей земли прилагаше»; царь невзлюбил его «за злонравие», и Булгаков решил отправиться в Казань. После казни он «погребен бысть на Руси у родителей своих» (с. 496, 532). («Приставник» в КИ — охранник, стражник, см. с. 530, 546, 554; ср. с. 424, 534.) Вопреки точке зрения Г. Н. Моисеевой, эти сведения несоотносимы с биографией князя Ю. М. Булгакова,⁴⁵ про местнические тяжбы с участием которого публицист не рассказывает. О нетитулованных же Булгаковых сообщается во многих источниках.⁴⁶

Итак, соображения Г. И. Моисеевой насчет датировки КИ⁴⁷ нельзя считать доказательными.

И. У. Будовниц, Т. Ф. Волкова и И. В. Яцкин, не приводя аргументов, относят к числу источников «сладкой» повести Степенную книгу царского родословия (1560—1563 гг.).⁴⁸ Однако эти памятники заметно различаются в изображении русско-казанских отношений. Так, по наблюдению Г. Н. Моисеевой, Степенная книга и КИ не совпадают в объяснении причин бегства из своей столицы хана Сафа-Гирея.⁴⁹ Далее, если в составленной будущим митрополитом Афанасием «книге» рассказано о посещении царем на пути к Казани владимирского Рождественского монастыря и молении государя у раки Александра Невского,⁵⁰ то в КИ про

⁴⁵ В 1556 г. он входил в число виднейших бояр, три года спустя умер (Зимин А. А. 1) Состав боярской думы... С. 68; 2) Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988. С. 295).

⁴⁶ См.: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 41, примеч. 47; ПСРЛ. Т. 13. С. 354, 357; Разрядная книга... С. 218, 354, и др.

⁴⁷ Временем между 1564 и 1566 гг., чаще всего 1564—1565 гг., КИ датируют и остальные исследователи. См., например: Зимин А. А. 1) Русские летописи и хронографы... С. 23; 2) И. С. Пересветов... С. 423; Истоки русской беллетристики... С. 429; Очерки русской культуры... Ч. 2. С. 144; Волкова Т. Ф. «Казанская история»... С. 105, примеч. 10; Дубровина Л. А. «История о Казанском царстве» (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев, 1989. С. 3, 5; Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 41, 118. Порой «красная и новая» повесть относится к 1564/1565 г. (Зимин А. А. Россия на пороге... С. 47; Филюшкин А. И. Состав правящих кругов... С. 243), первым годам опричнины (Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 80; Волкова Т. Ф. Особенности сюжета... С. 251, примеч. 11). Н. В. Водозов утверждал, что КИ была закончена во второй половине 1560-х гг. (Сказание о царстве Казанском. С. 6, 12).

⁴⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма: Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955. С. 418; Волкова Т. Ф. Малоизученный источник «Казанской истории» // РЛ. 1982. № 3. С. 135; Яцкин И. В. «Казанский летописец» // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. Стб. 445. В других работах Т. Ф. Волковой это мнение не повторяется. См.: Волкова Т. Ф. 1) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и Троицкие сочинения о взятии Казани как источники текста «Казанской истории» // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 173, 187; 2) Казанская история. С. 454.

⁴⁹ Моисеева Г. Н. Автор... С. 287—288. По О. В. Орлову, оба произведения связаны стилистически, так, одно из названий КИ («Сказание вкратце от начала царства Казанского...») повторяет жанровые обозначения из Степенной книги (там встречаем «Сказания вкратце» о Киприане, Царьграде) (Очерки русской культуры... Ч. 2. С. 176). Но такие определения не редкость. Сошлемся, к примеру, на «Сказание вкратце о Латынех» (см.: Клосс Б. М. Никоновский свод... С. 51, 172—173), «Сказание вкратце о святах отцах» из пространной (минейной) редакции Монастырского устава Иосифа Волоцкого (см.: Лурье Я. С. Патерик Волоколамский // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 164), «Сказание вкратце о соборе на Матвее Башкина на еретика» (Емченко Е. Б., Курукин И. В. К изучению публикаций «Дела Висковатого» и формирования его состава // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 69).

⁵⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 570. В. П. Адриановой-Перетц выяснено, что, описывая стенания Сумбеки перед высылкой из Казани, автор «красной» повести использовал плач княгини Ольги по Игорю из Степенной книги (см.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 171—172). Вероятно, создатель КИ располагал Сказанием об Ольге, включенным в состав Степенной. Последняя, судя прежде

это умалчивается, хотя говорится о пребывании Грозного во Владимире в начале похода 1552 г. (с. 462).

Когда же возникло красочное повествование о «презлом царстве срацынском» и его гибели?

М. Н. Тихомиров высказал предположение о создании основной части КИ в связи с полоцким «взятием»⁵¹ — пожалуй, самым крупным успехом России за годы Ливонской войны. Падение в феврале 1563 г. Полоцка оказалось для литовского правительства очень болезненным.⁵² Примечательно, что ряд иностранцев, писавших о «Московии» времени Грозного, с этим событием связывает поворот в его внутренней политике.⁵³ Однако в КИ о завоевании русскими Полоцка не говорится, хотя сказано, что «нечестивии короли» усталились «меча» Ивана Васильевича, одолевшего, как и предрекал его отец, всех врагов, пленившего, по пророчеству казанских «волхвов», многие царства (с. 358, 522, 562, ср. с. 360). Поэтому допустимо считать, что ее автор писал до начала 1563 г. Видимо, это произошло не ранее лета 1561 г., когда московские воеводы вышли на побережье Рижского залива.⁵⁴ Ведь в концовке КИ утверждается, что Грозный расширил «русские пределы... до край морских» (с. 562). (Кстати, там читаем о постоянном при царе Иване изгнании и уничтожении его военачальниками «агарян», тайно на «украину пришедших» — с. 564). Возможно, эти строки появились до крупного нападения Девлет-Гирея на Рязанский край осенью 1564 г.⁵⁵ Заметим, впрочем, что усматривать в каждом таком показании автора намек или прямую ссылку на конкретные события представляется неправомерным.) В этом случае понятно, отчего в КИ не говорится про отличившегося у стен Казани А. Д. Басманова,⁵⁶ который обычно считается вдохновителем опричнины. «Сладкая» повесть пронизана оптимистическим настроением. Согласно же выводу Е. И. Колычевой, до начала 1560-х гг. в стране «не замечалось признаков упадка», а с этого времени хозяйственное разорение становится все ощутимее.⁵⁷ Тогда же ускорилось вызревание политического кризиса, завершившегося в 1565 г. введением опричнины.⁵⁸ Следовательно, есть основания датировать КИ началом 60-х гг. XVI в. Ее связь с переходом Грозного к опричной политике оказывается, таким образом, не столь прямолинейной, как думали ранее.

всего по сопоставлению разделов о предыстории и самом взятии Казани, этому публицисту осталась неизвестной.

⁵¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 264.

⁵² Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 86. Сразу после этой победы в царском титуле появилось определение «Полотцкий» (Соболева Н. А. О датировке большой государевой печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 180, примеч. 9). Во многих кратких летописцах полоцкое «взятие» фиксируется как одно из крупнейших событий царствования Грозного (Достопамятности Москвы. Б. м., 1843. С. 99; Летописные заметки за 7030—7137 (1522—1629) года // ЧОИДР. 1896. Кн. 4. Смесь. С. 1; РГБ, ф. 209, № 548, л. 202 об.; ф. 466, № 26, л. 249 об.; РНБ, собр. Погодина, № 1418, л. 82; РГАДА, ф. 196, оп. 3, № 65, л. 5 об.; № 373, л. 16; ф. 201, № 44, л. 15, и др.).

⁵³ Филюшкин А. И. Состав правящих кругов... С. 239.

⁵⁴ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 173.

⁵⁵ О татарском вторжении на Рязанщину в 1564 г. см.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 21—22, 428—429; Зимин А. А. Опричнина. С. 124, 126.

⁵⁶ О его участии в осаде Казани см.: Кобрин В. Б. Состав опричного двора... С. 58—59; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 111, примеч. 2; с. 201.

⁵⁷ Колычева Е. И. Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70—90-х годов XVI в. (по материалам центральных уездов) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 38, 39.

⁵⁸ Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор: Историко-культурные исследования. Воронеж, 1995. Вып. 3. С. 70—71.